

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32:130.3

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И «НОВАЯ СОСЛОВНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ МОДЕРНИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Н.И. Шестов

Саратовского государственного университета
E-mail: nikshestov@mail.ru

Статья посвящена теоретическому обоснованию перспектив современной российской модернизации, альтернативных обоснованию этих перспектив в рамках концепции «гражданского общества» и «правового государства».

Ключевые слова: модернизация, либеральная идеология, сословная организация общества, политико-правовые отношения, демократический процесс.

Civic Consciousness and «New Class System» in Modern Modernisation Process

N.I. Shestov

Article is devoted a theoretical substantiation of prospects of the modern Russian modernisation alternative, to a substantiation of these prospects within the concept of «civil society» and «lawful state»

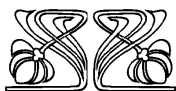
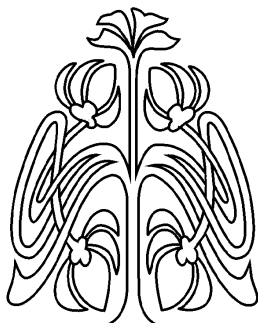
Key words: modernization, liberal ideology, the class organisation of a society, political-legal relations, democratic process.

Длительная популярность идеи демократического транзита привела к укоренению в политической науке и публицистике представления, что современная политическая модернизация состоится тогда, когда появятся «гражданское общество» и «правовое государство», причем исключительно «западного» образца. Изучению модернизации как состояния современной отечественной политики, таким образом, был задан очень узкий ракурс: выяснить, ведут эти процессы к торжеству либеральной демократии или от него, в направлении возрождения традиций российского авторитаризма.

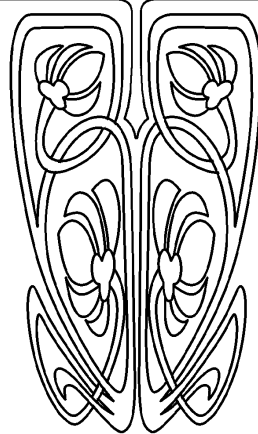
В реальной политической жизни происходило и происходит много такого, что в данную дихотомию не вписывается. Не вписывается в нее, например, очевидная сегодня тенденция возложения государственными институтами на себя функций опеки так называемых «социально незащищенных слоев населения», в том числе и в нарушение либеральных принципов свободы индивида в выборе стратегии собственного выживания. Сама по себе эта очень популярная ныне формулировка – «социально незащищенные слои населения» – подразумевает, по сути, что общество сегодня уже не в состоянии быть обществом как таковым, то есть, структурой, обеспечивающей выживание своим членам. Эту базовую функцию отныне берет на себя государство.

Исследователи, сосредоточивая в последние годы свое внимание на будущем «гражданского общества» и «правового государства», в России в частности, как на перспективе сложения обществом и государством прежних взаимных обязательств, порожденных советской моделью демократии, как-то меньше обращали внимание на другую, вполне заметную тенденцию. А именно, на возникновение новых взаимных обязательств общества и государства и новых институциональных форматов этих обязательств.

Возникновение таких новых форматов (в рамках процесса выстраивания так называемой «вертикали власти») часто интерпретировалось в духе предположения о реванше авторитарных начал

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

в функционировании российской социально-политической системы, таящих в себе угрозу либерально-демократическому «транзиту». Но у этого процесса есть и другая сторона: в современной России, да и в других современных демократиях набирают общественную легитимность внеконституционные политические институты и практики. Если посмотреть на эту ситуацию не с точки зрения конституционного права, а с точки зрения политической науки, то эту тенденцию можно интерпретировать иначе. Как свидетельство проявляющейся готовности общества подчиняться не только законодательно установленному порядку отношений с государственной властью, то есть брать на себя целый комплекс дополнительных обязательств перед ней, а в ответ требовать и не предусмотренных Конституцией обязательств со стороны самого государства, в том числе и по линии административного взаимодействия с обществом.

С другой стороны, в таком же духе можно интерпретировать и такой факт. В последнее десятилетие в России и на постсоветском пространстве почти каждая крупная электоральная кампания «заканчивается» тем, что победившая сторона и оппозиция взаимно отказываются от электорату противника в здравомыслии, в патриотизме (стандартны обвинения в лоббировании интересов враждебных гражданскому обществу сил), в готовности самостоятельно определять стратегию и тактику развития общества и государства. По следам выборов начинаются судебные разбирательства, политическая сторона которых, фактически, сводится к доказательству раз за разом того, в какой степени голосовавшие граждане реально обладают своим гражданским статусом, подразумевающим свободу политического выбора безотносительно к мотивам этого выбора. Начинаются массовые протестные движения оппозиции, ответные протестные движения победившей стороны и, таким образом, на месте гражданской толерантности в социуме прочно укореняется гражданская конфликтность. Получается, что демократическая избирательная процедура, которая по своему своему смыслу должна бы содействовать поддержанию гражданского согласия, стабильности конституционного правового поля, на практике нередко ставит общество на грань силового гражданского конфликта, а иногда и за эту грань. Электорат политического соперника объявляется или «купленным», или находящимся в плену политических мифов и политтехнологических манипуляций. Одна часть общества, таким образом, выступает в роли силы, служащей стабильности государственного порядка, относящейся к своим гражданским обязательствам более ответственно, нежели другие общественные группы, а потому силы, обладающей почти исключительным правом на взаимодействие с институтами государственной власти.

Это частные примеры, но они наглядно демонстрируют суть одной из тенденций в жизни современных социально-политических систем: в определенном направлении, в обход ожидаемого теоретиками со дня на день наступления эры «гражданского общества» и «правового государства» происходит фактическое усовершенствование каналов и норм взаимодействия государства и общества «в обход» конституционно установленных границ. В том числе, а может быть, и в первую очередь, по линии политико-мифологических оснований такого взаимодействия. Во всяком случае, идея «сильной и эффективной государственности», обеспечивающей существование «социально незащищенных слоев населения», для массового и элитарного сознания обладает сегодня большим мотивирующим потенциалом, большей способностью побуждать к лояльности, нежели упомянутые концепты «гражданского общества» и «правового государства». Каков смысл этого обходного маневра, выполняемого социально-политическими системами, российской в том числе? Речь нужно вести именно об усовершенствовании, потому как сам принцип такого взаимодействия в своей принципиальной основе совершенно не нов и прекрасно себя показал в истории политического быта очень многих, особенно европейских, народов и государств. Происходит, как можно предположить, усовершенствование, политическая актуализация отношений сословных на фоне официально, конституционно узаконенных гражданских отношений.

Одна из очевидных теоретических проблем концепции «демократического транзита» заключалась в постулируемом утверждении, что современные общества являются гражданскими, а потому, в принципе, бессловными. Такое противопоставление, теоретически допустимое, не вполне согласуется с историческим знанием. Со времени буржуазных революций в Европе в XIX столетии и до настоящего времени в структуре современных европейских социально-политических систем сохраняются и успешно действуют социальные корпорации с более или менее выраженными атрибутами сословности. В первую очередь – это корпус гражданских чиновников и военно-служилая корпорация. Дальше, по принципу убывания выраженности связи социального статуса с правами, полученными от государства, и соответствующими обязательствами перед ним, расположены различные группы людей, занятых в государственном секторе экономики и культуры или занятых бизнесом. Их фактические сословные характеристики связаны с тем общественным разделением труда, правовых и культурных компетенций, которые закреплены Конституциями и текущим законодательством.

Убывание выраженной сословности связано с тем, что в след за либеральной политической наукой и европейская политическая практика стала ориентироваться на обычный для либера-

лизма принцип противопоставления сословности и гражданственности как взаимоисключающих состояний человека политического. Принцип, более или менее явно апеллирующий к распространенному в эпоху классической либеральной идеологии убеждению (социалисты только абсолютизировали этот сюжет, заявив о возможности обойтись без государства как такового), что чем будет «меньше» государства в политике, тем обществу в политике жить будет лучше. Если зависимость индивида или группы нельзя ликвидировать фактически, то можно создать правовые, экономические и культурные условия для того, чтобы эту зависимость как можно менее замечать.

Но на ситуацию взаимодействия человека (общества) и государства можно посмотреть и с иных позиций, в частности, с позиции современного знания о том, что вопреки прогнозам либеральных теорий государства в политике меньше не стало, изменились формы и способы его присутствия. Изменились, иначе говоря, политические режимы. Государство не стало незаметным, оно повернулось к обществу другой стороной. Стороной фискальной, в первую очередь. И тенденция этих изменений в XIX–XX столетиях не согласовывалась с упомянутым противопоставлением в либеральных научных теориях сословных и гражданских начал в жизни общества. Она не выглядела как переход от одного состояния к другому. Скорее все выглядело как дополнение устоявшегося порядка новыми чертами, придающими ему большие адаптивные возможности в политическом процессе.

Целая волна буржуазно-демократических революций имела, в сущности, общий результат для тех стран, которые она «накрыла»: гражданственность политических отношений не заменила собой сословности этих отношений. Даже в США, где, казалось бы, уничтожение внешних атрибутов европейской сословности было произведено наиболее решительно и последовательно, сословная разобщенность социума проявлялась не только на уровне толкования смысла конституционного порядка, свобод и обязательств граждан перед государством на «фермерском» Севере и «аристократически-плантаторском» Юге, но и на уровне понимания гражданства именно как сословной, связанной с особыми возможностями и обязанностями, принадлежности к сообществу людей, использующих свое взаимодействие с государством для строительства «города на холме» и противостоящих в этом всем тем другим, кто в это строительство не вовлечен, хотя и тоже чем то обязан государству и тоже получает от государства какие-то права (афроамериканцы, индейцы, эмигранты).

Классовый интерес, как инструмент выстраивания новой социальной иерархии равных в своих конституционных правах и обязанностях граждан, не уничтожил, а скорее дополнил сословную иерархичность, устоявшуюся за века, важным

в условиях перехода Европы к либерально-демократическим основам политики принципом открытой конкуренции сословных статусов. Появлялась возможность в теории представить даже такую ситуацию, когда абсолютно доминирующим станет классовый интерес сословий, занятых производительным трудом и, в этом смысле, в односословном обществе сословность исчезнет как атрибут политико-культурного разнообразия, и восторжествует в формате совершенно стандартных для всех людей прав и обязанностей перед государством, превратится в тотальное качество политической культуры. Следует заметить, что возможно (в противовес соображениям идеологической конфронтации, которыми руководствовались в 50-е гг. минувшего века политики – создатели концепции «тоталитаризма») именно этот процесс превращения общества в односословную структуру, подавляющую даже дифференцированность общества по классовым интересам, служит реальным основанием для разговора о существовании особых «тоталитарных» состояний социально-политических систем.

Одни политические мыслители интерпретировали эту ситуацию как торжество правопорядка, другие как «тоталитаризм», но за всеми этими формальными определениями скрывалась единая тенденция. Иерархия была оптимизирована посредством дополнения специфических сословных прав и обязанностей (упраздненных юридически, но сохранявшихся уже в силу существования механизмов общественного разделения труда, разделения всего общественного производства, сферы культуры на частный и государственный сектора) универсальными, надсословными, общегражданскими правами и обязанностями. Причем, направление оптимизации вытекало из самой логики функционирования капитализирующихся социально-политических систем. Она шла по линии расширения возможностей для государства использовать для своих нужд ресурс (материальный, прежде всего) не только зажиточных слоев населения, но и (даже, может быть, в первую очередь) огромной массы материально и культурно малосостоятельных граждан. Недостаток качества этого ресурса государство «добирало» его количеством. Это позволяло государству, как показала практика функционирования европейских демократий в последние два столетия (даже в тех странах, где за гражданское неучастие предусмотрены штрафные санкции), не особенно заботиться о гражданской функциональности большей части населения (что всегда было главным предметом социалистической критики в адрес либеральной демократии) и реализовывать демократические процедуры в цензовом, элитарном режиме. Оптимизация состояла в том, что исторически установившееся разнообразие сословных обязательств, прав и привилегий было посредством конституционного законодательства привязано к единому «стержню» – гражданскому

статусу личности. Каждый гражданин, таким образом, наделялся обязанностью платить государству налоги и адекватно тому, насколько дисциплинированно он это делает, он пользуется «свободой гражданского выбора» как универсальным ключом, открывающим индивиду доступ к пользованию свободами и привилегиями в любой интересующей его в тот или иной момент жизни конфигурации. Гражданственность в либерально-демократических социально-политических системах стала своего рода новой, оптимизированной версией сословности.

Это тот принципиальный момент, который чаще всего просто не принимается во внимание исследователями при изучении и прогнозировании перспектив «гражданского общества» и «правового государства», например, в современной России, или в других постсоветских социально-политических системах. В любой социально-политической системе баланс тенденций к универсализации и спецификации политических, экономических и культурных прав и обязанностей, то есть баланс гражданственности и сословности, складывается ситуативно, под влиянием внутренних и внешних факторов. В разных обстоятельствах у граждан может возникнуть понимание выгоды пользоваться правами «как у всех», а может возникнуть и представление о желательности обрести права и свободы, а также обязательства перед государством большие, чем у остальных граждан.

Собственно, определенный вариант этого баланса, когда он смещен в сторону универсализации прав и обязанностей индивида, при соответствующей универсализации прав и обязанностей государства перед индивидом (о том, что конституционно закрепленная универсальность государственных обязательств никогда не исключает его, государства, возможностей действовать внеконституционным порядком уже упоминалось прежде) и обозначается исследователями при помощи понятий «гражданское общество» и «правовое государство».

Когда баланс смещен в другую сторону, то это является фактическим поводом для исследователей сомневаться в том, а есть ли в той же России, например, «гражданское общество», возможно ли, в принципе, российскому обществу достичь такого качественного состояния. Почему определение исследователями перспектив эволюции современного модернизационного процесса в постсоветском пространстве, тем не менее, останавливается именно на рубеже, предусмотренном либеральной теорией – «гражданское общество» и «правовое государство» и ничего дальше?

Другое дело, что в научных исследованиях часто модель баланса совмещается с линейной моделью или даже просто подменяется ею. Используется модель линейного движения отношений общества и государственной власти от крайней точки со знаком «минус» (авторитаризм и

подданничество) к другой крайней точке со знаком «плюс» (торжество законности и гражданственности). О том, может ли в принципе сложная и обремененная своим историческим опытом и своей исторической памятью социально-политическая система более-менее долго существовать вот в таком «перекошенном» состоянии, вопрос специалистами по проблематике демократического развития России обычно даже не ставится. Хотя актуальность вопроса очевидна. Допустим, социально-политическая система, как это подразумевает упомянутая выше модель «демократического транзита», движется от одного крайнего, авторитарного состояния к другому, столь же крайнему, стопроцентно демократическому гражданскому и правовому состоянию. Но ведь именно крайности авторитарного состояния системы в их политическом, идеологическом, экономическом измерениях людей, собственно, и не устраивали, побуждали стремиться к демократизации системы. Стремиться потому, что их более устраивает «разумный» баланс, допустим, личных инициатив и государственного регулирования в экономике, свободы выбора и государственного принуждения в политике и т.д.

Тогда что, кроме доводов либеральной теории, абсолютизирующей стремление общества и конкретного человека к максимально полной свободе и независимости от государственной опеки, может служить доказательством того, что «гражданское общество» и «правовое государство», как «крайности» в качестве политического процесса, будут людей устраивать больше, чем прежде, крайне авторитарное качество социально-политической системы? Логичнее, исходя не из теории, а из опыта российской политической жизни последнего двадцатилетия, предположить, что эти крайности вызовут не меньше нареканий со стороны людей, чьи жизненные потребности будут объективно выходить за установленные, пусть и самые либерально-демократические рамки. А это будет иметь естественным следствием стремление граждан к тому, чтобы за пределами этих либерально-демократических рамок формировать новый уровень взаимоотношений с государственной властью, взаимоотношений сбалансированных, который условно можно назвать «новой сословностью», и который выглядит вполне реалистичной перспективой эволюции современных постсоветских политических систем, в первую очередь российской. Кроме постулатов либеральной теории, нет показаний против того, чтобы этот переход осуществился, минуя теоретически выверенные модели «гражданского общества» и «правового государства», и стал реальным историческим итогом современной российской модернизации.

Определение «новый» к системе взаимных обязательств и взаимных привилегий современного общества и государства применимо еще потому, что в этой системе прежний баланс,

сложившийся до появления в структуре политических отношений гражданственности, баланс, основанный на обусловленности сословных прав и обязанностей подданической принадлежностью человека, или социального слоя, приобретает обусловленность теперь уже гражданским статусом личности или группы.

Можно предложить различные объяснения того, почему исследователи перспектив современного модернизационного процесса предпочитают представлять себе его развитие линейно, как движение к некоторой конечной точке, в которой взаимоотношения общества и государства достигнут идеально-совершенного состояния. Очевидно, что в данной ситуации сказывается тенденция, свойственная всем наукам: поддерживать традиционную конфигурацию предметных полей и использовать ее в качестве одного из базовых критериев для определения научности или ненаучности исследований, проведенных конкретным специалистом. «Гражданское общество» и «правовое государство», как проблемы, в структуре современного политологического знания выступают своеобразными маркерами политологичности конкретных исследований, посвященных, например, российской модернизации или же сравнительному анализу демократических процессов в нашей стране и за рубежом.

Но можно предложить и объяснение, напротив, исходящее из факта заметных подвижек в предметном поле современных политологических исследований. Проблемой номер один стала глобализация. Эта проблема задает контекст и для постановки специалистами проблем более конкретных, в частности, связанных с перспективами российской модернизации в ближайшем будущем. На теоретических позициях ученых не может не сказываться, однако, тот момент, что, фактически, перспектива-то уже определена – глобализация. Концепт «глобализация» стал своевременным подспорьем к дискуссиям о демократической перспективе России, которые концепция демократического транзита все более заводила в тупик. Подспорьем в том плане, что он возвращал некий смысл обсуждению того, происходит ли с Россией демократическая перемена. Наличие тенденций к демократизации стало вопросом способности России к партнерскому участию в глобализационной гонке вместе с другими странами. «Гражданское общество» и «правовое государство» в структуре политологических рассуждений на тему глобализации стали, таким образом, обозначениями того рубежа, достигнув которого, Россия и другие страны в постсоветском пространстве смогут в дальнейшем успешно отвечать на все «вызовы» и «угрозы» современного мирового развития. Эти два понятия приобрели, если исходить из предлагаемого объяснения, значение уже не столько научных проблем, сколько идеологических императивов, играющих роль своеобразных индикаторов цивилизационной состоятельности

России в современном мире. Возникла, по сути, новая формулировка исходных условий для того «общественного договора», который должен сделать государство и общество более тесно взаимодействующими субъектами и обеспечить им успешную будущность.

Иначе говоря, привязка этих понятий к контексту проблем глобального развития вывела их на аксиоматический уровень. Настолько аксиоматичный, что, порой, исследователи, признавая фактическую невозможность построения в России гражданского общества и правового государства «западного» образца, завершают, тем не менее, свой анализ утверждением, что строить их все равно надо, так как это и есть единственная магистральная дорога развития мировой цивилизации. Ситуация совершенно типичная для актов политического мифотворчества. И мифотворцем выступает научная корпорация.

В периоды политических и экономических перемен обычно в социально-политической мифологии прослеживается тенденция к актуализации сюжетов и формул, посредством которых обозначаются отношения служебной зависимости индивидов и групп от государства. В качестве примера можно использовать хорошо известные обстоятельства борьбы разных групп населения за сохранение своих сословных обязанностей и привилегий в период реформ Ивана IV, или же устойчивое стремление русских крепостных крестьян (отмеченное современниками Отечественной войны 1812 г. и Великих реформ второй половины XIX столетия), а также дворян-крепостников, подчеркивать свою безусловную служебную связь с российским государством.

Подобное можно наблюдать и сегодня: по самым разным каналам массовой коммуникации тиражируется тезис, согласно которому государство должно помогать тем, кто на него работает или работал, а не тем, кто в жизненной стратегии ориентируется на свободу личного выбора, предоставленную Конституцией. Это парадокс современного модернизационного процесса, понять реальность которого можно только исходя из его мифологической природы: общество, движущееся, теоретически, в направлении развития в себе гражданских качеств, полагает, что для него оптимальным является заключение прямых договорных отношений с государственной властью в качестве альтернативы конституционному порядку. Тенденция к мифологической легитимации принципов этой «новой сословности» в повседневной российской политике проявляется очень широко. Проблемы бюджетников и пенсионеров, живо обсуждаемые повсюду, от дворовых скамеечек до научных симпозиумов и парламентских слушаний, служат ярким образчиком такой «неосословной» направленности процесса мифогенеза в современной России, что неизбежно будет сказываться и на реальном ходе политической жизни.

И во многом парадоксальность приведенной ситуации связана с теми ориентировками, которые массовому и элитарному сознанию задает политическая наука. Сами политологи обычно скромно оценивают меру такого влияния. Это связано, в первую очередь, с необходимостью следовать в политическом исследовании критериям научности. Исследователь должен быть экспертом, наблюдать за реальностью с определенной методологией его исследования дистанции, а не быть частью той самой реальности, которую он изучает. С другой стороны, вероятно, учеными руководит понимание того, что сама по себе заявка на влияние на массовое и элитарное сознания вводит предмет и метод научного исследования в достаточно жесткие рамки моральных, идеологических, этнокультурных и других детерминаций. По поводу масштаба научного влияния можно спорить. Но в данном случае для выяснения причин важен не масштаб, а сам факт.

А фактом является влияние науки на социально-политический мифогенез вообще, и на возникновение данного парадокса, в частности. Можно даже сказать, что в массовое сознание этот парадокс оказался привнесен из научной сферы в готовом виде. Условием существования современной политической науки как таковой является ее способность формировать в обществе и в рядах властвующих элит убеждение, что эти два ключевых субъекта политики, в принципе, всегда могут между собой договориться, а устойчивость таких договоренностей как раз и является, обычно, основным научным аргументом в пользу превосходства демократии над прочими порядками организации политической жизни. А выполнение такой конструктивной функции, заметим, создает объективный стимул для ориентации большинства политологов в их исследовательской работе на достижения, прежде всего, либерального направления в зарубежной науке.

Наука, таким образом, задает общественному сознанию задачу, которую-то, что вполне естественно, разрешает в духе своего прежнего политического опыта, то есть в духе тех самых традиций сословности. Получается, что если Конституция достаточно жестко, с привязкой к условиям того исторического момента, в который она была принята, определяет для всех граждан единые условия «общественного договора» с институтами государства, то все дальнейшее совершенствование системы этих взаимоотношений (а в этом, собственно, и заключен внутренний смысл модернизации) может и должно идти по линии их спецификации и конкретизации. Так рождаются не только заявки на пересмотр и «поправки» Конституций, но и «цветные революции» в, казалось бы, раз и навсегда обустроенном в соответствии с нормами либеральной демократии политическом пространстве. Если гражданский статус по Конституции определяется возможностью для всех индивидов формулировать и заявлять свой политический интерес, то прогрессирование политической системы становится возможным, прежде всего, в направлении конкретизации и спецификации каждого интереса как естественного условия его конкуренции с другими интересами, за которыми стоят группы точно таких же индивидов.

Таким образом, проблему «новой сословности» можно отнести к тому разряду проблем, которые «вычисляются» формально-логически и мифологически. Это означает, что для общества, состояния его культуры и его практики эти проблемы, собственно, проблемами не являются. Это, в первую очередь, проблема для науки. Проблема ее способности продвинуться вперед хотя бы на уровне постановки вопроса о возможности и эффективности новых интерпретаций, новых теоретических ракурсов, позволяющих расширить рамки научной традиции.

УДК 316+929

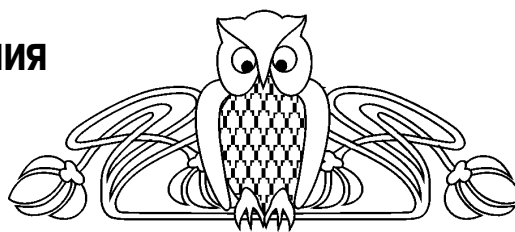
ИМПЕРСКО-ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Я.А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматриваются противоречия имперского и либерального тезауруса модернизационного дискурса в творчестве Н.Г. Чернышевского. Особое внимание уделяется взглядам русского мыслителя на сущность государства и власти.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, политический дискурс, модернизация, великие реформы Александра II

**Imperial-liberal Contradictions of Political Discourse of
N.G. Chernyshevsky**

Ya.A. Nikiforov

In article contradictions of the imperial and liberal thesaurus of modernization discourse in N.G. Chernyshevsky's creativity are considered. The special attention is given to sights of the Russian thinker at essence of the state and the power.